

ИСТОРИЯ

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH184884-898>

Исследовательская статья

Рамазан Султанович Абдулмажидов
к.и.н., ведущий научный сотрудник
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
ramazana@yandex.ru

Хизри Гаджиевич Алибеков
м.н.с.
Институт истории, археологии и этнографии
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, Махачкала, Россия
alibekovkhizri@gmail.com

ПРАВОВОЙ ДИСКУРС ДАГЕСТАНСКИХ БОГОСЛОВОВ XVII–XIX вв. (НА ОСНОВЕ РУКОПИСИ ИЗ КОЛЛЕКЦИИ БАГУЖАЛАВА АЛ-МАЧАДИ)

Аннотация. Данная статья посвящена обзорному анализу уникальной рукописи, выявленной в книжной коллекции крупного дагестанского богослова Багужалава ал-Мачади. В ней собраны 9 произведений, составленных в форме вопросов-ответов, в которых отражен богословский дискурс по различным правовым аспектам. В дискуссии участвовали такие известные богословы как: Давуд ал-Усиши, шейх Изз ад-Дин Тайиб, Саид ал-Макки, Мухаммад-хаджи ал-Уради, Мухаммад ал-Алиджи, шейх ас-Сиджини, Хадис ал-Мачади, Мухаммад ал-Хифнави и Мухаммада ал-Аймаки. Часть из них дагестанского происхождения, а другие являются выходцами из Ближнего Востока. Созданные ими произведения представляют собой ответы ряда ближневосточных богословов на вопросы дагестанцев по тем или иным актуальным вопросам того времени. Они были составлены во второй половине XVII – первой четверти XIX вв., что позволяет в определенной степени проследить развитие правовой культуры Дагестана данного периода. Она также является ценным источником по истории быта, экономического и социально-политического развития дагестанского общества. Палитра рассматриваемых в богословском дискурсе вопросов и ответов чрезвычайно разнообразна, и касается самых разных сторон жизни и быта. На наш взгляд, дагестанские богословы, обращаясь к более авторитетным своим соотечественникам, а также к ученым из Ближнего Востока, стремились легитимировать адатные нормы через шариатские тексты. Вместе с тем, обращаясь к последним, дагестанские богословы стремились использовать и негласный приоритет в пользу их мнения, существовавший в мусульманском мире. Кроме того, выявленные арабоязычные источники наглядно свидетельствуют о том, насколько тесно Дагестан был включен в единое правовое поле арабо-мусульманского мира.

Ключевые слова: Дагестан; мусульманское право; адат; шариат; арабоязычные сочинения; Багужалав ал-Мачади.

Для цитирования: Абдулмажидов Р.С., Алибеков Х.Г. Правовой дискурс дагестанских богословов XVII–XIX вв. (на основе рукописи из коллекции Багужалава ал-Мачади) // История, археология и этнография Кавказа. 2022. Т. 18. № 4. С. 884-898 . doi: 10.32653/CH184884-898

© Абдулмажидов Р.С., Алибеков Х.Г., 2022

© Сефербеков М.Р., перевод, 2022

© Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, 2022

HISTORY

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH184884-898>

Research paper

Ramazana S. Abdulmazhidov,
Cand. Sci. (History), Leading Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia
ramazana@yandex.ru

Khizri G. Alibekov,
Junior Researcher
Institute of History, Archeology and Ethnography
Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala Russia
alibekovkhizri@gmail.com

LEGAL DISCOURSE OF DAGESTANI THEOLOGIAN OF THE 17TH-19TH CENTURIES (BASED ON THE MANUSCRIPT FROM THE BAGUZHALAV AL-MACHADI'S COLLECTION)

Abstract. The paper presents an analysis of a unique manuscript identified in the book collection of a prominent Dagestani theologian Baguzhalav al-Machadi. It comprises 9 works compiled in the form of questions and answers, which reflect the theological discourse on various legal aspects. The discussion was attended by such reputed theologians as Dawud al-Usishi, Sheikh Izz ad-Din Tayyib, Said al-Makki, Muhammad-haji al-Uradi, Muhammad al-Aliji, Sheikh as-Sijini, Hadith al-Machadi, Muhammad al-Hifnawi and Muhammad al-Aymaki. Some of them were Dagestanis, while others – of the Middle East origin. Their works are written in a form of answers of a number of Middle Eastern theologians to the questions of Dagestanis on various topical issues of that time. The works were compiled in the second half of the 17th – first quarter of the 19th centuries, which allows to trace to a certain extent the development of the legal tradition of Dagestan of that period. They are also a valuable source on the history of everyday life, economic and socio-political development of Dagestan society. The range of questions and answers considered in the theological discourse is extremely diverse, and concerns the various aspects of everyday life. As we believe, Dagestani theologians, turning to their more authoritative compatriots, as well as to scholars from the Middle East, sought to legitimize adat norms through Sharia texts. At the same time, addressing the latter, Dagestani theologians sought to use the unspoken priority in favor of their opinion that existed in the Muslim world. Moreover, the identified Arabic-language sources clearly demonstrate how closely Dagestan was included in the unified legal field of the Arab-Muslim world.

Keywords: Dagestan; Muslim law; adat; Sharia; Arabic-language works; Baguzhalav al-Machadi.

For citation: Abdulmazhidov R.S., Alibekov K.G. Legal discourse of Dagestani theologians of the 17th-19th centuries (Based on the manuscript from the Baguzhalav Al-Machadi's collection). History, Archeology and Ethnography of the Caucasus. 2022. Vol. 18. N. 4. P. 884-898 . doi: 10.32653/CH184884-898

© R.S. Abdulmazhidov, K.G. Alibekov, 2022
© Seferbekov M.R., translation, 2022
© Daghestan Federal Research Centre of RAS, 2022

Введение

В ходе археографической экспедиции по гранту РФФИ № 22-18-00295 «Электронная библиотека арабографических рукописей из архивных, библиотечных, музейных и частных собраний России» в частной библиотеке, принадлежавшей видному дагестанскому богослову Мухаммаду, сыну Багужа, более известному как Багужалав ал-Мачади, была обнаружена чрезвычайно ценная сборная рукопись (конволют)¹. Собранные в ней сочинения написаны одним почерком, однако переписчик не указан. По палеографическим данным она была создана в первой половине XIX в. Рукопись форматом 17,5×22,5 см состоит из 36 листов и содержит 9 произведений по мусульманскому праву, написанных в формате вопросов и ответов, которые представлены в рукописи с соблюдением хронологического порядка. Авторами 5 из них являются дагестанские богословы, а остальные 4 произведения представляют собой ответы ряда ближневосточных богословов на вопросы дагестанцев по тем или иным актуальным вопросам того времени. Они были составлены во второй половине XVII – первой четверти XIX вв., и только небольшая часть из них была исследована отечественными востоковедами. Данная статья посвящена общему обзору выявленных материалов.

Сборник фетв Давуда ал-Усиши

Рукопись начинается с известного сборника фетв крупного дагестанского богослова Давуда ал-Усиши (ум. в 1171/1757 г.). Современник ал-Усиши Титалав ал-Карати отправил к нему более 50 вопросов по широкому кругу правовых аспектов, волновавших в то время дагестанцев: торгово-имущественные споры, бракоразводный процесс, мусульманская культовая практика, отношение к иноверцам, вопросы обязательственного и наследственного права (*назр*, *васийа*, *вакф*). Краткие и емкие ответы ал-Усиши впоследствии были выделены в отдельное сочинение, получившее широкую популярность в Дагестане. К примеру, только в Фонде восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН хранится 8 списков этого сочинения². В исследуемой рукописи сочинение представлено на 4 листах (л. 1а–л. 4б).

Один из вопросов, на который ответил ал-Усиши, был связан с дискуссией о легитимности нападений дагестанцев на грузинские области. Часть богословов признавала участников подобных нападений воителями за веру – *газиями*, но ал-Усиши отказывался признавать их таковыми по причине отсутствия неверных (*харби*) вокруг Дагестана, против которых они могли бы вести священную войну [1].

Отвечая на вопрос «Кто имеется в виду под имамом в словах правоведов: “Если имам потребует от хозяина имущества предоставить закят именно ему, а тот откажется, то выплата его закята другим лицам не будет засчитываться [по шариату]?”», ал-Усиши пишет, что под имамом могут пониматься и духовные лица (имамы и кадии) Дагестана. По его словам, они «в нашем крае взяли на себя такие функции из-за крайней необходимости, т.к. до нас не доходит власть законного имама (правителя)».

1. Книжная коллекция Багужалава ал-Мачади в настоящее время хранится в сел. Мачада Шамильского района Республики Дагестан в составе библиотеки М.Г. Шехмагомедова. В этой коллекции содержится около 150 арабографических манускриптов, хронологически датируемых в пределах XIV–XX вв.

2. ФВР ИИАЭ ДФИЦ РАН, ф. 14, оп. 1, № 85 (i), № 309 (b), № 1165 (g), № 1390 (a), № 1850 (b), № 2597 (d), № 3018, № 3073 (b).

Отвечая на вопрос, дозволяется ли дагестанским кадиям брать определенную плату за свою работу с каждого дома в селении, в котором они выполняют свои функции, если с этим согласна лишь некоторая часть его жителей, ал-Усиши отвечает утвердительно. По его словам, кадии имеют право брать подобную плату даже принудительно, но при условии, что в селении нет человека, готового добровольно обеспечивать кадия. При этом для определения размера платы не требуется согласие всего джамата, достаточно одобрения лишь авторитетных его членов (*ахл ал-халл ва ал-'акд*).

Интересен ответ ал-Усиши и о привилегиях женщин в получении закята³. В вопросе говорится: *«Каково решение относительно предоставления закята женщинам? Имеют ли они привилегии, если в отличие от мужчин, их могут нанимать на работу только их близкие родственники (махрам)? Либо же они их не имеют, и они должны сами зарабатывать, как это принято по адату, хотя и противоречит шариаду?»*. Ал-Усиши отвечает, что женщины имеют привилегию перед мужчинами, поскольку нанимать их на работу могут лишь близкие родственники. Поэтому, по его словам, нельзя их заставлять работать в той сфере, которая не подходит женщинам.

Сборник фетв шейха Изз ад-Дина Тайиба

Следующее сочинение (л. 4б–5б) представляет собой небольшие заметки из правовых заключений шейха Изз ад-Дина Тайиба, которого нам не удалось идентифицировать. Из его содержания становится ясным, что этого шейха попросил ответить на ряд вопросов некий имам ал-Аргвани⁴. В самом конце сочинения кодификатором ответов шейха Изз ад-Дина указан известный дагестанский ученый Мухаммад, сын Мусы из Кудутля (ум. в 1717 г.). Вероятнее всего, ал-Кудуки, отправляясь в свою очередную поездку на Ближний Восток, передал вопросы богослова из Аргвани шейху Изз ад-дину Тайибу, а полученные ответы затем собрал в одном списке.

Проблемы, затрагиваемые в данном списке, касаются самых разных сторон бытовой жизни горцев. Некоторые из ответов указывают, что к шейху обращались за фетвой с целью обойти существующие ограничения в книгах по мусульманскому праву. К примеру, в одном из них говорится, что *«вопреки мнениям авторов книг “ал-Халль”⁵ и “ал-Анвар”⁶, нет ничего страшного в том, что наш простой люд не знает условий, требуемых для заключения брака»*. В другом ответе разъясняются условия выплаты закята такой социальной категории, как учащиеся медресе – *мутааллим*. На вопрос об определении их уровня бедности Шейх Изз ад-Дин отвечает, что если *мутааллим* способен обеспечить свое пропитание только учебой, то он имеет право на получение закята в размере достаточном до конца его жизни; однако такой учащийся не должен владеть недвижимостью и прочим имуществом. Если же он, оставив обучение, способен зарабатывать себе на жизнь, то ему предоставляют средства закята лишь на период его учебы.

3. Закят – обязательный ежегодный налог в исламе выплачиваемый с различного видов дохода и имущества в пользу определенных категорий нуждающихся.

4. Нисба указывает на происхождение или проживание в сел. Аргвани, ныне в Гумбетовском районе РД.

5. «Халль ал-Иджаз» – сочинение по мусульманскому шафиитскому праву, авторство которого принято относить к шейху Али ал-Багдади ат-Таргули. Али ал-Багдади – кадий селения Тарки, выходец из Багдада, прибыл в Тарки не позже 1635 г., был кадием и письмоводителем. Автор ряда трудов, в том числе поэтического содержания. Умер в сел. Тарки, где и похоронен в 1655 г. Данное сочинение представляет собой комментарий к труду «ал-Иджаз» иранского шафиитского правоведа Тадж ад-Дина Махмуда бин Мухаммада ал-Кирмани (ум. в 1404 г.).

6. «Ал-Анвар ли а'мал ал-абрар» – сочинение по шафиитскому праву Джамал ад-Дина Юсуфа бин Ибрахима ал-Ардабили (ум. во второй половине XIV в.).

Сборник фетв Саида ал-Макки

Далее следует сочинение, известное под условным названием «*Ас'уля уляма'и Дагестан ва аджвиба аш-шайх Саид ал-Макки*» («Вопросы ученых Дагестана и ответы на них шейха Саида ал-Макки»). В небольшом своде, на двух страницах (л. 5б–6а), приводятся 8 вопросов, на которые шейх Саид ал-Макки дает короткие ответы. Саид ал-Макки – хадисовед и правовед из Хиджаза. Его полное имя – Мухаммад Саид бин Мухаммад Сунбул ал-Макки (ум. в 1174/ 1761-2 г.). Он был крупным шафиитским богословом в Мекке и преподавал в Заповедной мечети (*Масджид ал-Харам*).

В сезон хаджа многие мусульмане с различных уголков мусульманского мира пользовались возможностью испросить фетву у авторитетных мекканских ученых. Так поступали и дагестанцы, в частности, Мухаммадхаджи ал-Уради и его сын Ибрахим-хаджи ал-Уради. Последний, по всей видимости, тесно общался с шейхом Саидом и превозносил его над другими богословами. К примеру, известна история о сне, который приснился Ибрахиму-хаджи в Каире. Заснув около могилы эпонима шафиитского мазхаба имама аш-Шафии, Ибрахим-хаджи видит во сне имама и спрашивает его, следует ли ему обращаться за советом к богословам Каира. Имам аш-Шафии предостерегает его от обращения к ним, а также к дагестанским богословам, в частности, Титалаву ал-Карати и Али ал-Арговани. Однако советует обратиться к шейху Саиду ал-Макки, с которым «*никто не сравнится в познании фикха*» [2, с. 398–399].

Свод фетв ал-Макки содержит ответы на следующие вопросы: выплата закята с урожая, созревшего лишь частично; использование в строительстве мечети надмогильных камней; употребление табака; положение кадия в городе, жители которого совершают тяжкие грехи; употребление мяса животных, заколотых иноверцами (*зиммий*); использование шкур ягнят, привозимых от иноверцев (*маджус*); использование шкуры выдры; правомочность фетвы Ибн Аббаса о том, что трижды произнесенная в одном месте и в одно время формула развода (*талак*) засчитывается как один талак.

Вслед за этим идет другое сочинение Саида ал-Макки (л. 6а–8а). Оно представлено в виде свода примечаний, каждый пункт которого начинается со слов «*полезное примечание*» (*фаида*). Ближайшее рассмотрение этого сочинения позволило установить, что этот свод комментариев представляет собой ответы на вопросы, которые ранее были адресованы Титалавом ал-Карати Давуду ал-Усиши. Как нам представляется, некий дагестанский богослов, не довольствуясь ответами Давуда ал-Усиши, отправил те же вопросы с ответами в Мекку, к шейху Саиду.

Это позволяет нам сравнить ответы обоих ученых. В первую очередь, интерес представляет то, как ал-Макки отвечает на вопрос о легитимности статуса *газиев* дагестанцев, совершавших походы на Грузию. Ал-Макки отвечает обтекаемо, что если группа людей выступит в военный поход не с целью «*возвысить Слово Всевышнего Аллаха*», а ради земных выгод, то трофеи, завоеванные в этом походе, имеют такое же положение, что и трофеи, добытые с благочестивыми религиозными целями. Однако эти *гази* не получают вознаграждение на том свете.

В некоторых случаях ответы ал-Макки и ал-Усиши противоречат друг другу, при этом ответы первого более соответствуют решениям шафиитского мазхаба. К примеру, отвечая на вопрос дозволено ли человеку в путешествии, не соответствующему нормам шариата, пользоваться послаблениями (*рухас*) касательно исполнения некоторых религиозных предписаний, к примеру, сокращение и (или) перенос молитвы,

ал-Усиши отвечает утвердительно. Ал-Макки же, наоборот считает это запретным, поскольку, по его мнению, отправление в недозволенное путешествие лишает человека послаблений, предоставляемых шариатом. При этом, намекая на фетву ал-Усиши, ал-Макки добавляет: «Тот, кто вынес фетву о дозволенности пользоваться шариатскими послаблениями, ссылаясь на мазхаб аш-Шафи, ошибается».

Саид ал-Макки также не соглашается с мнением, что если имам потребует от кого-либо выплаты закята, а тот откажется, но выплатит его другому, то такой закят не засчитывается. В отличие от ал-Усиши, ал-Макки утверждает, что выплата закята считается выполненной, а имам имеет право лишь потребовать клятву с человека, что закят действительно был им выплачен.

Сборник фетв Мухаммада-хаджи ал-Уради

Далее следует другой небольшой свод правовых заключений на трех страницах (л. 8а–9а). В его конце указано, что вопросы исходят от «кадия ал-Индири», которому отвечает «ал-Хаджи ал-Уради». Идентифицировать автора вопроса нам не удалось, очевидно лишь то, что он занимал должность кадия в селении Эндирей⁷. Что касается автора ответов, то однозначно им является отец вышеупомянутого Ибрахима-хаджи – Мухаммад-хаджи ал-Уради (ум. в 1739–40 г.). Он также был видным богословом, кадием Гидатля⁸ и общественно-политическим деятелем первой трети XVIII в. Мухаммад-хаджи ал-Уради получил мусульманское образование в том числе и на Ближнем Востоке, где обучался у крупных богословов, в частности у авторитетного хадисоведа Абдулла бин Салима ал-Басри ал-Макки (ум. в 1722 г.). В своем родном селении Урада он открыл медресе, в котором воспитал ряд известных дагестанских богословов [2, с. 35–40].

Мухаммад-хаджи ал-Уради отвечает на семь вопросов, связанных с торговлей, имущественным правом, разделом наследства, взаимоотношениями с рабынями. Нам представляется, что не случайно вопрос, касавшийся рабынь, был задан именно кадием из Эндирея, поскольку со второй половины XVII в. это селение становится центром работоторговли на Северном Кавказе [3, с. 125]. Суть заданного вопроса заключалась в следующем: если рабыня добровольно вступила в интимную связь со своим хозяином, который не знал о незаконности договора ее купли-продажи, то должен ли он выплатить ей *махр* (брачный дар)? Мухаммад-хаджи ал-Уради отвечал на это, что в таком случае интимная близость является запретной, однако хозяин не должен выплачивать *махр*, поскольку рабыня знала о запретности подобной связи и тем самым поставила себя в положение прелюбодейки.

Сборник фетв Мухаммада ал-Алиджи

На 7 листах (л. 9а–15б) следует еще одно собрание фетв, автором которого является крупный правовед и богослов рубежа XVIII–XIX вв., Мухаммад, сын Ибрахима ал-Алиджи⁹, известный как Чаляби. Он происходил из богословской семьи, в которой

7. Ныне в составе Хасавюртовского района РД.

8. Крупный аварский союз общин, ныне в составе Шамильского района РД

9. Нисба указывает на происхождение из селения Алич, которое ранее входило в состав Кубинского ханства, а ныне в одноименном районе Республики Азербайджан

получил начальное образование, и затем в поисках знаний путешествовал по мусульманским странам, где встречался с видными богословами. Основными учителями Мухаммада ал-Алиджи были его отец Ибрахим ал-Алиджи, муфтий Медины Мухаммад ал-Курди ал-Мадани и богослов из Дамаска Абд ал-Карим ад-Дагистани, который еще в детстве, из-за нашествия Надиршаха на Дагестан, переселился с семьей на Ближний Восток. В конце концов, Мухаммад ал-Алиджи осел на родине, где занимался преподавательской и научной деятельностью [4, с. 64–65]. Из его учеников известны два дагестанских богослова, один из них некий Муртазаали ал-Усиши, а второй – известный политический и религиозный деятель, суфийский шейх Мухаммад ал-Йараги. В нашем распоряжении имеется разрешение (*иджаза*) на вынесение фетв последнему, переданная ему Ибрахимом, сыном Мухаммада ал-Алиджи в 1239 г.х. (начался в 1823 г.).

Мухаммаду ал-Алиджи принадлежит ряд трудов, в том числе «*Тазкират ал-ихван*» («Напоминание братьям»), посвященный разъяснению терминологии из известнейшей книги по мусульманскому праву «*Тухфат ал-Мухтадж*»¹⁰, стал весьма популярным сочинением среди суннитов шафиитского мазхаба.

Свод фетв Мухаммада ал-Алиджи также был весьма популярен. В списках, как правило, он встречается в двух частях, но в исследуемой нами рукописи содержатся еще две части. В первой части автор отвечает на вопросы некоего «крупного ученого Дагестана», имя которого в списках не называется. Однако в списке, переписанном Закария ан-Нукуши (ум. в 1338/ 1919-20 г.), хранящемся в одной из частных коллекций Дагестана¹¹, указано что этим богословом был Мухаррам (Магарам) ал-Ахти. Мухаррам из селения Ахты – видный ученый и богослов XVIII в., был тестем и учителем вышеупомянутого Мухаммада ал-Йараги. Казикумухский правитель Сурхай-хан II переселил его, как крупного ученого-богослова, в селение Махмудкент¹², где он открыл медресе для преподавания естественных наук [4, с. 74].

В этой части свода содержатся двадцать три вопроса с ответами. Большая часть вопросов носит правовой характер, но в начале есть несколько вопросов, касающихся богословия. К примеру: «*по какой причине в ад попадут представители других религий, если они исповедуют свои религии, будучи убежденными в их истинности? Ведь если бы они знали об их ложности, то непременно отреклись бы от своих религиозных воззрений?*». Ал-Алиджи отвечает на это, что в ад они попадут из-за того, что не прилагали достаточных усилий для определения истины, а также потому что не покорились религии, с которой пришел пророк Мухаммад.

На вопрос о браках, заключаемых в Дагестане, когда участники брачной церемонии, не обладая даже элементарными знаниями об исламе, «*не могут определить разницу между своей религией и другими религиями, и если некоторых из них спросить являлся ли пророк Мухаммад неодушевленным предметом, живым существом или чем-то другим, то не смогут дать правильного ответа*», Ал-Алиджи со ссылкой на других правоведов отвечает, что, согласно шафиитскому и ханбалитскому мазхабам, браки, заключенные подобными людьми, не считаются действительными, но признаются таковыми по маликитскому и ханафитскому мазхабам. Он призывает дагестанцев в данном вопросе следовать этим двум мазхабам. Далее Мухаммад ал-Алиджи пишет, что обдумал этот вопрос и пришел к выводу, что подобные браки

10. Речь идет о популярном труде одного из самых авторитетных шафиитских правоведов Ибн Хаджара ал-Хайтами.

11. Рукопись хранится в частной коллекции Магомедова Махмуда в сел. Рахата Ботлихского района РД.

12. Ныне входит в состав Магарамкентского района РД.

дагестанцев действительно даже по мазхабу аш-Шафии, поскольку многие дагестанцы, чтобы прокормить себя и свои семьи, и зимой и летом вынуждены заниматься ежедневным трудом в условиях высокогорья или в труднодоступных ущельях. По этой причине у них нет возможности получать необходимые знания о религии, а, согласно мнению имама ан-Навави, если простой мусульманин не имеет возможности получить подобные знания из-за необходимости прокормить себя или свою семью, то с него снимается это религиозное предписание.

На вопрос, могут ли отдельные мусульмане приводить в исполнение строго оговоренные шариатом наказания (*хадд*) или же это прерогатива только правителя или его заместителей (назначенцев), Мухаммад ал-Алиджи отвечает, что другим мусульманам помимо шариатского правителя, запрещено приводить подобные наказания в исполнение. Но если кто-нибудь, к примеру, казнит другого за прелюбодеяние, то получит грех не за убийство, а за то, что превысил свои полномочия. На следующий вопрос о том, можно ли лишать содержания дагестанских женщин, оказывающих неповиновение мужьям, ал-Алиджи отвечает отрицательно. По его мнению, тот факт, что это стало повсеместным явлением, не позволяет лишать женщину ее прав.

Инициатором второй части свода фетв явился некий богослов Хаджи-Мухаммад из селения Кубачи. В нем приводится восемь вопросов, на которые ал-Алиджи дает свои ответы. Так, в одном из них спрашивается о подарках, которые, согласно обычаю, жених предоставляет стороне невесты¹³. Является ли дозволенным принимать такой дар и становится ли собственником этого имущества невеста, или им становится ее опекун (*вали*). При этом оговаривается, что в Дагестане этот обычай негласно носит обязательный характер, т.е. в случае отказа предоставить такой дар, брак не будет заключен. По мнению ал-Алиджи, если этот дар рассматривать как часть *махра* (брачного дара), который жених по шариату обязан предоставить невесте, то его собственником становится невеста. Если же оно таковым считаться не будет, и опекун без разрешения стороны жениха присвоит себе это имущество, то оно будет для него запретным, и он обязан вернуть его. Все это касается случая, когда жених предоставляет дар по требованию стороны невесты. Если же он предоставляет его добровольно, то следует определить, кому он направляет это имущество: опекуну или лично невесте и в соответствии с этим объявлять собственника подаренного имущества. Но если же жених какой-либо ясности по этому поводу не вносит, тогда его собственником будет опекун.

Третья часть свода представляет собой записи, по всей видимости, одного из учеников ал-Алиджи, в которых он приводит ответы своего учителя на различные вопросы. Некоторые фетвы представлены в виде вопроса и ответа, но большая часть в виде комментариев. При этом часть ответов представляет собой пояснения ал-Алиджи к предыдущим своим фетвам. Неизвестно, кто явился инициатором возникновения этих фетв, но в конце одного из ответов сказано, что «*это ответ Мухаммада ал-Алиджи на вопрос Шуайба ал-афанди ал-Гумуки*». Фетвы посвящены схожим темам, что и в предыдущих сводах, и касаются конкретных прецедентов, происходивших в Дагестане.

В одном из вопросов сообщается о случае, когда некто позвал группу людей помочь в строительстве дома. Когда в ходе работы часть из них находилась на крыше, а другая внутри, стойки дома, не выдержав, обрушились и погиб один из тех, кто находился в доме. Спрашивается, должен ли в этом случае кто-либо выплачивать компенсацию

13. Впоследствии имущество, передаваемое опекуну невесты, получило название калым.

по случаю его гибели. Ал-Алиджи отвечает, что в таком случае компенсация не положена, поскольку смерть произошла не по вине собравшихся. Находящиеся на крыше, не раскачивали ее, чтобы вызвать обрушение, не виноват и хозяин дома, поскольку погибший добровольно вошел в это место. В конце третьей части своего свода фетв, ал-Алиджи указывает, что написанное им является «вынесением фетв (*ифта'*) в качестве наставления (*иршад*)». Этим он обозначает, что фетвы были даны им не официально и не от лица кадия. Вынесение правовых заключений в виде наставления (*иршад*) широко применялось мусульманскими богословами, исходя из того, что богослов мог выносить фетву не на основе «официального» решения мазхаба, а на основе мнения того или иного авторитетного ученого.

В четвертой части свода фетв ал-Алиджи, самой маленькой по объему, представлены всего два вопроса. Они присланы от жителей селения Тарки¹⁴. В одном из них спрашивается о дозволенности совершать специальную молитву о прощении грехов за проявленную неосторожность при мочеиспускании. Известно, что пророк Мухаммад обращал особое внимание на необходимость воздерживаться от попадания капель мочи на тело или одежду. Он утверждал, что большинство могильных мучений в загробном мире будет именно за этот грех [5, с. 125]. В поздний период среди мусульман, а точнее суфиев, была придумана даже специальная молитва из двух ракатов (*салят ал-бавль*), совершив которую мусульманин избавлялся от грехов за проявленную в этом случае неосторожность. Мусульманские правоведы однозначно осуждали подобные молитвы, появившиеся в поздний период, и относили их к разряду порицаемых нововведений (*ал-бид'а ал-мазума*). Ал-Алиджи, указывая, что эта молитва не имеет под собой основания и по мнению правоведов относится к разряду выдуманных, при этом отмечает, что «*ученые тариката*» приводят ее в своих книгах. Она, по его мнению, является одним из отличительных признаков суфиев, и «*если кто-то не является суфием, то он должен придерживаться мнения правоведов*». Таким образом, ал-Алиджи пытается примириться с обеими сторонами. Будучи сам знатоком мусульманского права, он не мог не учитывать мнение правоведов, но в то же время, очевидно влияние на него суфизма, из-за чего он старается своей фетвой не обидеть суфиев.

Сборник фетв ас-Сиджини аш-Шафии

Следующее небольшое сочинение на двух страницах (л. 15б–16а) содержит 6 вопросов одного из дагестанских богословов, адресованных египетскому богослову шейху Абд ар-Рауфу ас-Сиджини аш-Шафии. Шейх ас-Сиджини – богослов и шафиитский правовед, долгое время был шейхом восточной галереи в мечети ал-Азхар. После смерти шейха ал-Азхара Мухаммада бин Салима ал-Хифнави в 1767 г. ас-Сиджини недолгое время занимал должность шейха ал-Азхара и умер в 1769 г. [6, с. 502]

Три из шести вопросов посвящены такой практике, как клятва разводом с женой (*тахлиф би-т-талак*). В целом, подобная клятва (присяга) широко применялась как в обязательственном, так и в уголовном праве народов Дагестана [7, с. 27]. Суть клятвы разводом заключается в том, что мусульманин приносил присягу о том, что если он что-либо совершил или совершит в будущем, то его жена получит развод. При нарушении данной клятвы по шариату развод считается вступившим в силу. Данная

14. Ныне входит в состав муниципального округа г. Махачкала.

практика была довольно популярной и весьма эффективной мерой сдерживания, которую часто использовали в правовой культуре не только в Дагестане, но и у других народов Северного Кавказа. Как пишет А.И. Ладыженский: «У магометанских народов Кавказа, в том числе и кабардинцев, клятва была двоякого рода – именем бога по шариату над Кораном «Валлаги, биллаги, таллаги», и так называемая «хатунталлах» или «кебин-таллах», имевшая значение поручительства в верности произносимых слов: в случае лжеприсяги виновный должен был развестись с женой. Если у человека, произносимого присягу, имелось несколько жен, он должен был указать, с какой именно из них он разведется в случае, если присяга окажется ложною» [8, с. 112].

Ас-Сиджини пишет, что в случае нарушения супругом своей присяги, развод, данный им жене, незамедлительно вступает в силу.

Сборник фетв Хадиса ал-Мачади

Вслед за этим сочинением следуют (л. 186–216) ответы известного дагестанского богослова и правоведа Хадиса ал-Мачади, данные на все те же вопросы Титалава ал-Карати. Как нам представляется, последний не адресовал их ал-Мачади, который решил дать свои ответы на вопросы, имевшие широкое хождение среди дагестанской интеллектуальной элиты и не терявшие своей актуальности. Так, отвечая на вопрос: считать ли при выплате закята с посевных озимую пшеницу и рожь¹⁵ одним видом. Хадис, со ссылкой на авторитетного шафиитского правоведа Ибн Хаджара ал-Хайтами, пишет, что две культуры могут считаться одним видом, если они одинаковы по форме, цвету, природе и вкусу, или, по крайней мере, должны совпасть три из четырех упомянутых свойств. Далее ал-Мачади приводит мнение другого дагестанского правоведа, Тайиба ал-Харахи, о том, что рожь у аварцев не считается одним видом с пшеницей, следовательно, закят с них следует выплачивать по отдельности. Ал-Мачади также объясняет молчание крупного дагестанского богослова рубежа XVII–XVIII вв. Мухаммада ал-Кудуки по данному вопросу: «Возможно, он промолчал, чтобы бедняки из-за его фетвы не лишились своей доли с закята. Я слышал, что когда тлярятинцы спросили его о том, следует ли приравнять рожь к пшенице, он задал встречный вопрос: «А чем тогда будут питаться ваши бедняки?!» Он не вынес прямой фетвы ни о том, что нужно приравнять, ни о том, что не нужно этого делать» (л. 21а).

Далее ал-Мачади продолжает: «Когда Мухаммад ал-Хуури¹⁶ задал об этом вопрос муфтию ал-Халляби аш-Шафии и показал ему и присутствующим на собрании эту рожь, а те попробовали ее на вкус, то его ответ был следующим: «Мы не считаем его ни сортом пшеницы, ни сортом ячменя. Поэтому не следует приравнивать его к пшенице для достижения нисаба¹⁷...». В конце фетвы Хадис заключает, что даже если эти культуры не приравнивать друг к другу, то «не лучше ли нам, о ученые, не препятствовать простым людям считать их одним видом и выплачивать с них один закят, до тех пор пока они сами не обратятся к нам за фетвой по этому вопросу? Ведь тогда люди, имеющие достаток, получают воздаяние за то, что выплатили больше закята нуждающимся».

15. В тексте: «укуб» (огоб), переводе с аварского языка означает «рожь». См.: [9, с. 144, 146].

16. Из сел. Гоор, ныне в Шамильском районе РД.

17. Нисаб – это минимальный уровень имущества, после достижения которого следует выплата закята.

Сборник фетв Мухаммада ал-Хифнави

Далее в исследуемой рукописи содержится один из самых популярных в Дагестане сводов фетв (л. 22а–24б; 27а–28а), принадлежащий перу египетского богослова и шейх ал-Азхара ал-Хифнави (ум. в 1767 г.). Мухаммад бин Салим ал-Хифнави (ал-Хифни) – крупный богослов и правовед, потомок пророка Мухаммада через его внука Хусейна, шейх халватийского тариката. В 1757 г. он занял пост шейха ал-Азхара. Он – автор ряда сочинений по различным отраслям мусульманских наук. Свод фетв ал-Хифнави представляет собой ответы на вопросы нескольких дагестанских богословов. Он состоит из трех частей, что, очевидно, обусловлено тем, что каждое из них было составлено в разное время и инициаторами их составления были разные люди.

В первой части свода приводится пятьдесят вопросов, на которые ал-Хифнави дает весьма краткие ответы, иногда в одно предложение. Неизвестно кто именно стал инициатором этой части фетв, ал-Хифнави лишь сообщает что «один из достопочтенных лиц из Дагестана попросил меня ответить на эти прекрасные вопросы». Вопросы, поднимаемые в этой части свода, касаются самых разных сторон жизни и носят общий характер. Особое внимание здесь уделено разбору взаимоотношений дагестанцев с иноверцами. Так, первый вопрос был связан с условиями получения по сложившейся традиции платы с иноверцев, с которыми дагестанцы заключили мирный договор, не соответствующий всем условиям шариата. Как нам представляется, одним из подобных договоров было заключенное в 1718 г. соглашение между предводителями джаро-белоканских союзов и кахетинской знатью [10, с. 148–158]. Ал-Хифнави отвечает, что эта плата относится к категории *фай'*, т.е. имуществу, которое мусульмане получают с иноверцев мирным путем. Такое имущество, по его мнению, следует, как и военную добычу (*ганима*), делить на пять частей. А на вопрос о том, разрешено ли мусульманам брать вознаграждение с правителя иноверца за участие в их войске, либо просто в качестве дара, в знак уважения, либо за помощь в сборе ополчения, ал-Хифнави уточняет, что, если это происходит во вред мусульманам, тогда это запрещено. Если же участие в подобном войске направлено против других иноверцев, то это дозволено.

Интересны также ответы ал-Хифнави о легитимности дагестанских адатов. Он отказывается объявлять неверными тех дагестанцев, кто использует адатные нормы в судопроизводстве, однако, по его мнению, они являются грешниками. По его мнению, духовным лицам запрещено работать кадиями в тех селениях, жители которых следуют нормам адата. Штрафы, установленные старшинами общин за те или иные преступления, ал-Хифнави также называет незаконными и призывает обратиться к нормам шариата в этих вопросах.

На вопрос о том, дозволено ли курить или нюхать табак, ал-Хифнави отвечает утвердительно. По его словам, нет ни одного доказательства из шариата о запретности этого. Употребление табака может быть лишь нежелательным делом, т.к. его запах может вредить ангелам, по аналогии с запахом от чеснока или лука. Более того, мнение о запретности табака, о чем заявила группа мусульманских правоведов, на его взгляд, является необоснованным. Он также пишет, что супруг даже обязан обеспечить свою супругу табаком, если она привыкла его употреблять и потребует этого. Ал-Хифнави позволяет шафиитам употреблять алкогольные напитки, за исключением вина, последовав за мнением Абу Ханифы. При этом разрешается пить только такое количество, которое по факту не может вызвать опьянение. Более того, он даже разрешает

употреблять в любых количествах твердые наркотические вещества, такие как опиум или гашиш. Однако, по его словам, следует скрывать это от простых мусульман, чтобы они не начали злоупотреблять.

Во второй части свода приводятся десять вопросов с ответами ал-Хифнави¹⁸. Ее инициатором выступил некий дагестанский богослов по имени хаджи Мухаммад, сын Исмаила. Большинство вопросов этой части касаются брака, совершения развода, наследства, хозяйственно-экономической жизни общины. К примеру, в одном из вопросов спрашивается, обязаны ли мужья оплачивать труд дагестанских женщин, которые выполняют по дому разную работу: шьют одежду, убирают урожай, носят воду. При этом отмечается, что они выполняют эти работы даже без требования своих мужей. Ал-Хифнави отвечает, что мужья не обязаны оплачивать их труд, поскольку заранее не было оговорено, что их работа будет оплачиваться. Он отмечает, что труд женщин не обязан оплачиваться мужьями, даже если первые выполняли работу по указанию мужей. При этом он оговаривает, что все это касается совершеннолетних и благообразных женщин. В ином случае, муж обязан оплачивать ее труд, даже если плата не была оговорена. В конце фетвы ал-Хифнави отдельным пунктом напоминает о том, что женщины в принципе не обязаны вести хозяйственные дела: *«Знай, что запрещено мужьям использовать в качестве прислуг своих жен, даже в таких делах как приготовление теста, выпечка хлеба или уборка. Напротив, мужья обязаны предоставить им в готовом виде все то, в чем они нуждаются»*.

Третья часть свода состоит из ответов ал-Хифнави на вопросы еще одного дагестанского богослова – ал-Хаджи Мухаммада (Тинамухаммада) ан-Нукуши (ум. в 1755 г.). Мухаммад-младший (*сагир*) ан-Нукуши изучал исламские науки, в первую очередь, у своего отца Хаджи Мухаммада (Тинамухаммада) старшего, затем отправился в поисках знаний в мусульманские области, где встретился с видными богословами, в том числе и с ал-Хифнави [11, с. 80–82]. В Каире ан-Нукуши стал учеником ал-Хифнави и в 1162 г.х. (начался с 21.12.1748 г.) находясь в популярном для дагестанцев месте, – возле могилы эпонима шафиитского мазхаба имама аш-Шафии, – составил вопросы для своего учителя. На тот момент ал-Хифнави еще не был шейхом ал-Азхара, он стал им только после смерти ан-Нукуши.

В этой части свода приводятся семь вопросов, относящихся к самым разным сторонам жизни горцев. В одном из вопросов ан-Нукуши спрашивает (л. 27а): *«Каково решение относительно неверных Курджистана (Грузии)? Они находятся по соседству с нами, у них есть город под названием Тифлис. Мы слышали, что первый, кто завоевал этот город, был Усман бин Аффан¹⁹, да будет доволен им Аллах. Но затем неверные вновь отвоевали его. После этого город еще несколько раз был завоеван мусульманами: один раз его завоевали османы (ахл ар-Рум), другой раз персы, а в третий раз жители нашего края. В большинстве случаев эти нечестивые неверные заключают мир с тем, в чьих руках этот город, будь он у султана османов или персов. В таком положении, если они наткнутся на нас или на наше имущество, то не преминут позариться на него. Также многие из них живут на землях, которые мы [когда-то] завоевали. Обязаны ли мы в подобном положении оставить их в покое? И есть ли разница в том, с кем они заключили мирный договор: с султаном османов или персов?»*.

18. Существуют списки, в которых количество фетв из этой части свода фетв л-Хифнави, достигает 18. Один из списков хранится в библиотеке Муфтията РД, другой в частной коллекции в сел. Хвартикуни РД.

19. Усман б. Аффан ал-Курайши (ум. 656 г.) – один из ближайших сподвижников пророка Мухаммада, третий праведный халиф.

Ал-Хифнави отвечает на это, что в данном вопросе важно определить, как именно была завоевана эта страна: военной силой или через мирный договор. Если она повторно была завоевана мусульманами, то, по его мнению, к ней применимо то решение, которое было установлено при первом завоевании. Если они заключат мирный договор с мусульманами, то следует соблюдать его, пока он не будет нарушен. И нет разницы, кто представлял мусульман в этом договоре: султан османов или персов. При этом ал-Хифнави отмечает, что это касается лишь тех неверных, на которых распространяется мирный договор.

Сборник фетв Мухаммада ал-Аймаки

В заключительной части исследуемой рукописи содержится (л. 29б–34б) свод фетв дагестанского богослова Мухаммада, сына Мухаммадмирзы из селения Аймаки. Мухаммад ал-Аймаки был видным ученым конца XVIII – начала XIX в., который переселился из своего родного селения в Верхний Дженгутай и получил соответствующую нисбу. Он автор ряда сочинений, известны также его поэтические произведения. Из-за разлада, произошедшего между ними и шамхалом Махди Тарковским, он был арестован и заключен в Кизлярскую крепость, где он умер 21 июня 1820 г. и был похоронен на берегу Терека.

Свод фетв ал-Аймаки известен под двумя названиями, данными автором. Первое – «*Фатх ал-Муджиб би тавзих маса'ил ал-Хабиб*» («Внушение от Отвечающего на мольбы в помощь ответам на вопросы от друга»), а второе – «*Базл ал-фатва фи ма 'аммат бихи ал-балва*» («Вынесение фетв по общенасущным проблемам»). Это единственное произведение в исследуемой рукописи, имеющее свое название. Данное сочинение многими авторами, начиная от ад-Дургели и заканчивая современными исследователями [4, с. 57; 12], ошибочно приписывается другому богослову из селения Аймаки – Абу Бакру. Также ошибочно приписывается Абу Бакру и другое сочинение Мухаммада ал-Аймаки «*аз-Заджир 'ан мувалят ал-фаджир*» («Предостережение от дружбы с нечестивцами») [13]. Свод фетв Мухаммада ал-Аймаки представляет собой ответы на вопросы одного из дагестанских ученых, имя которого не упоминается. В сочинении представлено 42 фетвы по самым разным вопросам, волновавшим умы дагестанцев того времени.

Один из вопросов касается очистительной присяги. В нем говорится, что жители некоего города имеют обычай, когда, к примеру, будет украдена лошадь, то с подозреваемого требуют принести клятву вместе с несколькими другими лицами, заслуживающими доверие, о том, что он не крал ее. Если они принесут клятву, тогда обвинение с него по адату снимается. Спрашивается, есть ли основание для подобной очистительной присяги в шариате. Мухаммад ал-Аймаки отвечает, что для нее нет обоснования в шафиитском мазхабе, и что никто из крупных ученых не заявлял о дозволенности этого. Однако, ал-Аймаки при этом дополняет, что по шариату дозволяется принести клятву о совершении или несвершении кем-либо какого-либо действия. Или же принести клятву о том, что ему не ведомо это, если действие не было установлено перед ним. Далее он приводит слова шафиитского правоведа ал-Булкини о том, что дозволено приносить подобную присягу при наличии твердого предположения (*занн ал-муккад*). Как пишет ал-Аймаки, именно на основе его заключений некоторые дагестанские богословы обосновывали дозволенность очистительной присяги.

Заключение

Как следует из вышеизложенного, выявленная рукопись из книжной коллекции Багужалава ал-Мачади, содержит целый ряд интересных сочинений, по которым в определенной степени можно проследить развитие правовой культуры Дагестана в XVII–XIX вв. Она также является ценным источником по истории быта, экономического и социально-политического развития дагестанского общества в указанный период. Палитра рассматриваемых в богословском дискурсе вопросов и ответов чрезвычайно разнообразна и касается самых разных сторон жизни и быта. На наш взгляд, дагестанские богословы, обращаясь к более авторитетным своим соотечественникам, а также к ученым Ближнего Востока, стремились легитимировать адатные нормы через шариатские тексты. Об этом, к примеру, свидетельствует то обстоятельство, что автор последнего свода фетв из исследуемой рукописи, Мухаммад ал-Аймаки, не высказывает своего однозначного мнения по рассматриваемому вопросу, указывая на расхождение мнений шафиитских правоведов.

Вместе с тем, обращаясь к ученым Ближнего Востока, дагестанские богословы стремились использовать и негласный приоритет в пользу их мнения, существовавший в мусульманском мире. Кроме того, представленный материал наглядно показывает, насколько тесно Дагестан был включен в единое правовое поле арабомусульманского мира.

Благодарность. Публикация подготовлена в рамках проекта РНФ № 22-18-00295 «Электронная библиотека арабографичных рукописей из архивных, библиотечных, музейных и частных собраний России».

Acknowledgments. The publication was funded by RSCF, project No. 22-18-00295 «E-Library of Arabic, Persian and Turkish Manuscripts from archival, library, museum and private collections of Russia».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мусаев М.А. Взгляд на «лекианоба» в контексте изучения правовых заключений дагестанских ученых-богословов XVIII в // *Фундаментальные исследования*. 2013. № 10-14. С. 3223-3228. EDN RQRYWX.
2. Хапизов Ш.М., Шехмагомедов М.Г. Ибрахим-хаджи из Урады (1701-1770) и его эпоха: очерки истории и жизни. Махачкала, 2021. - 552 с.: илл.
3. Иноземцева Е.И. Институт рабства в феодальном Дагестане. Махачкала, 2014.
4. Назир ад-Дургели. Усила умов в биографиях дагестанских ученых. Нузхат ал-'азхан фи тараджим 'улама' Дагистан / пер. с араб., коммент., факс. изд., указ. и библиогр. подгот. А.Р.Шихсаидовым, М. Кемпером, А.К. Бустановым. М.: Издательский Изд. дом Марджани, 2012. 432 с.
5. Ибн Маджа ал-Казвини. «Сунан». Т. 1. Дар ал-Ихья ал-кутуб ал-араби. Каир. 1952. (на араб. яз.)
6. Абдурахман ал-Джабарти. Аджаиб аль-асар фи-т-тараджим ва-ль-ахбар, Т. 1–4, Булак, 1879–1880. (на араб. яз.)

REFERENCES

1. Musaev MA. A look at the “lekianoba” in an in-depth study of the legal agreements of the Dagestani theologians of the 18th century. *Fundamental research*. 2013, 10-14: 3223-3228. – EDN RQRYWX. (In Russ.)
11. Khapizov ShM., Shekhtagomedov MG. *Ibrahim-hadji from Urada (1701-1770) and his era: studies on history and life*. Makhachkala, 2021. (In Russ.)
3. Inozemtseva EI. *The institution of slavery in feudal Dagestan*. Makhachkala, 2014. (In Russ.)
4. Nazir ad-Durgeli. *A journey of the minds through the biographies of the Islamic Scholars of Dagestan (Nuzhat al-'azkhan fi tarajim 'ulama' Dagistan)*. Transl. from Arabic, comments, facsimile, indices, bibliography by A.R. Shikhsaidov, M. Kemper, A.K. Bustanov. Moscow: Marjani Publ., 2012. (In Russ.)
5. Ibn Maja al-Qazvini. *Sunan*. Vol. 1. Dar al-Ihya al-kutub al-arabi. Cairo, 1952. (In Arabic.)
6. Abdurrahman al-Jabarti. *Adjaib al-asar fi-t-tarajim wa-l-akhbar*. Vol. 1-4. Bulak, 1879-1880. (In Arabic.)

7. *Абдулмажидов Р.С.* Институт соприязничества в Дагестане // Вестник Дагестанского научного центра. 2016. № 60. С. 26–37.

8. *Ладъженский А.М.* Адаты кавказских горцев. Ростов на Дону., 2003.

9. *Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р.* Дагестанские исторические сочинения. М., 1993.

10. *Абдулмажидов Р.С., Хапизов Ш.М.* Взаимоотношения Джарской республики и Кахетинского царства в конце XVII – первой четверти XVIII вв. // Вопросы истории. 2018. № 6. С. 148-158.

11. *Хапизов Ш.М., Абдулмажидов Р.С.* Сельская община Нукуш в XII–XX вв. (Историко-документальное исследование). Махачкала, 2021. – 264 с.: илл.

12. *Гизбулаев М.А.* К вопросу о развитии мусульманской правовой культуры в Дагестане: «Базл ал-фатави» (Подарок разъяснений) Абубакара-хаджи из Аймаки / *М.А. Гизбулаев* // Дагестанский востоковедческий сборник. Махачкала, 2008. С. 19–26.

13. *Гизбулаев М.А.* Аз-Заджир ‘ан мувалат ал-куффар: как источник по истории развития мусульманского международного права в Дагестане XVIII в. // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 5. С. 708.

7. *Abdulmazhidov RS.* Institute of Compurgation in Dagestan. *Bulletin of the Dagestan Scientific Center.* 2016, 60: 27-37. (In Russ.)

8. *Ladyzhensky AM.* Adats of the Caucasian mountaineers. Rostov-on-Don, 2003, p. 112.

9. *Shikhsaidov AR, Aitberov TM, Orazayev GM-R.* *Dagestan historical works.* Moscow, 1993. (In Russ.)

10. *Abdulmajidov RS, Khapizov ShM.* Relations between the Jar Republic and the Kakheta Kingdom at the end of the 17th – the first quarter of the 18th centuries. *Questions of history.* 2018, 6: 148-158. (In Russ.)

11. *Khapizov ShM., Abdulmazhidov RS.* *The rural community of Nukush in the 12th – 20th centuries (Historical and documentary research).* Makhachkala, 2021. (In Russ.)

12. *Gizbulaev MA.* On the issue of the emergence of Muslim legal tradition in Dagestan: “Bazl al-fatawi” (Gift of clarification) by Abubakar-haji from Aimaki. *Dagestan Oriental Collection.* Makhachkala, 2008: 19-26. (In Russ.)

13. *Gizbulaev MA.* Az-Zajir ‘an muvalat al-kuffar: as a source on the history of the development of Muslim international law in Dagestan in the 18th century. *Modern problems of science and education.* 2014, 5: 708. (In Russ.)

Поступила в редакцию 27.10.2022

Принята в печать 28.11.2022

Опубликована 25.12.2022

Received 27.10.2022

Accepted 28.11.2022

Published 25.12.2022